

С. АБРАМОВ
ЗЕЛЁНЫЙ ЗОВ

С. АБРАМОВ

ЗЕЛЕНЫЙ ЗОВ

МОСКВА — ПЕТРОГРАД

МСМХХII

Настоящее издание отпечатано в 15-й Государственной типографии (бывш. Голицы и Вильборг) в мае 1922 г., под наблюдением В. И. Анисимова, в количестве 2800 экземпляров

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Глухих лесов таинственная сказка.
Я вспоминаю летний день, как сон.
Жужжанье мух и пчел и вечный звон
Кузнечиков, и вечная их пляска.

И кажется, что спала с глаз повязка.
Я снова юн. Я зноем опьянен.
И слышу смутный зов со всех сторон,
Волнующий и трепетный, как ласка.

И весь еще среди шумных городов,
О гибельных страстях их в гневном споре,
Здесь сам порок я прославлять готов.

В крови огонь. Огонь в горящем взоре.
Мечтою дерзкой разум обуял...
О, в ком в лесу не просыпался Пап?

II

Омыт росой, с зарей проснулся лес.
Он сладко спал. Но головы тяжелой
Коснулся поделуем луч веселый.
Мрак дрогнул и рассеянно исчез.

И вот—за рядом взвившихся завес
Зарделся холм и задымились доли.
Гонды-лучи, как золотые пчелы,
Разносят весть, что юный день воскрес.

Покинуть темный лог. По скатам росным
Уйти в поля. Сквозь солнечный туман
Любовно улыбаться стройным соснам,—

Берез стыдливых обнимая стан,
Целуя пальчики ветвистых елок,
Не чувствуя уколов их иголок.

III

Источник радости, тепла и света,
О, Солнце, Солнце! Ведаешь ли ты,
Когда глядишь на землю с высоты,
Что в мире все твоим лучом согрето?

И скрытые в земле глубоко где-то,
Во мрак ночей ушедшие кроты
И звездным сном расцветшие цветы,
Которыми вокруг земля одета?

Горячий свет твой пью я как вино.
Ласкает взор мне каждый луч певучий,
И нежит тело поделуй твой жгучий.

А в полдень сплю в тени. Раскалено,—
Когда проснусь,—горишь в огне закатном.
И загрустит свирель о невозвратном.

IV

Непроницаемой стеной, отвесно
Стоит над полем лес. Я в нем живу.
Я рад ему во сне и на яву.
Но в ночи час, как в склепе, мне в нём тесно.

Подавлен я тоскою неизвестной.
Ищу убить немолчную сову,
Что славит мрак. И, глядя в синеву,
Я выхода ищу в простор безлесный.

Мне грезятся—обширный луг, река
И полная луна над миром сонным,
Струющая свой свет лучом стозвонным, —

Крик коростеля, шелест тропика, —
И пред луной, припав к земле и мрачен
Я слезы лью, что мой покой утрачен.

V

«А-у! А-у!» — звучит в лесу призывно.
«А - - - у!» — раскатно следует в ответ,
И грезится, что дасковый привет
Я слышу в голосах, звучащих дивно.

Вдали им эхо вторит переливно,
И радости моей предела нет.
Как будто в мрак души весенний свет
Проник струей и льется беспрерывно.

«А-у!» — «А-у!» — все ближе, все милей,
И вот — во власти я двух дев — двух фей.
Спасаться-ль бегством мне? Иль многоликой

Довериться мечте? Ее речей
Пленительной красе?.. Но—«Пан Великий!»
Лес радостные оглашают клики.

VI

Те девы две — родные две сестры.
Одна — жена и мать, но в скорбном взоре
Неудовлетворенной страсти море
Волнуется, как в грозный час игры.

Другая — сон той радостной поры,
Что юностью зовем. Цветок в уборе,
Красавицы Земли, в любовном споре
Несущей небесам свои дары.

Но связаны любовью, как подруги,
И жаждой радости полны, оне
Одна другой доверились вполне.

И делят в шопоте свои досуги.
Я - ж, Пап, слежу, как мед собирает шмель
И голову кружит пьянящий хмель.

VII

Которую из двух сестер, тоскую,
Люблю: печальную, как Ночь, иль ту,
Что краше Дня? Печаль иль Красоту?
Кого люблю? Кому принадлежу я?

А может вспомнил юности зарю я?
Любовь мою люблю? И свято чту
Минувших дней угасшую мечту,
И отблеском зари своей горю я?..

Так отчего-ж, когда я ждал Печаль,
А Красота, которой нежных много
Храню я слов, пришла сказать: «Дорога

Сестре заказана, придет едва-ль?..»---
Пожав ей молча руку, в даль угрюмый
Ушел я, посвятив Печали думы?

VIII

Поднялся лунный диск, струя свой свет,
Таинственный, как сонный лес в дремоте
И озарил седой туман в болоте,
Где дуба темный вырос силуэт.

Во мраке лес. Но загляни в просвет,
Залитый светом лунным: там, как в гроте,
Мелькают тени в скорбно-плавном взлете
И трепетный тапдуют менуэт.

Я все грущу, уткнувшись лунным светом.
Далекая! Ты в этот час луне
Шлешь взором грусть, чтоб передала мне.

Забудусь кратким сном лишь пред рассветом.
Пока-ж струит свой грустный свет луна,
Больной моей душе не ведать сна.

IX

Здесь не случайное-ли имя «Мать»?
И мирное «Жена» полно загадки.
Жена и мать! Но беспокойны складки
Вокруг очей—бегущих дней печать.

Ах, греза молодою быть опять!
Мечты о счастье радостны и сладки.
И хочется, крича, в безумной схватке,
Разбить поток, и жизнь направить вспять.

И расцветив вечерние закаты,
Самой гореть в их радостном огне,
С тоской сжигая каждый миг крылатый...

А в ночи час, забывшись в тишине,
В печали вечной, горестной утраты
О жизни думать, как о кратком сне

Х

Привет красавице! Без разрешенья
Я вам пишу, но вы простите мне.
Мне грезится, что все мы в сладком сне
Глухих лесов,—и чужды принужденья.

И знает Бог, забуду ли тот день я,
Когда, как память о былой весне,
Вас встретил я в вечерней тишине
И полон был восторга и смущенья!

И, как тогда, всегда передо мной
Вы, в белом вся, среди берез — березка.
И мысль меня уносит в мир иной...

Бледнеет пламенной зари полоска.
Туман над лугом стелется, как дым...
О, счастье быть влюбленно-молодым!

XI

За рядом зпойных дней, к исходу лета,
Когда в полях до срока отцвели,
Повыгорев, цветы, и лес, в пыли,
Горел в лучах пылающего света,—

На склоне дня, в свинцовый плащ одета,
С востока туча двинулась. Вдали
За ней бесчисленные рати шли.
Сверкнули огненные стрелы где-то...

Поднялся вихрь и грянул гром. И в миг
Весь мир повержен был в хаос смятенный,
Испуганного солида скрывший лик,

И на ночь ад разверзся пред вселенной...
На утро дождь. И лес о жизни тленной
И полон дум, и головой поник.

ХИ

Вы, любящие лес, его беспечный
И радостный покой и кроткий смех,
Когда среди бесчисленных утех
Он летний день проводит бесконечный, —

Когда он, как дитя, цветка сердечно
Приветствует расцвет и ряд помех
Грибок преодолевший, раньше всех
Начать дерзнувший век свой быстротечный, —

И шопот трав, и пляску стрекозы,
И мотыльков нарядную влюбленность,
И звон пчелы, и надо всем — бездонность

Безоблачных небес из бияюзы, —
Вы знаете-ль, что все не вечно это,
Что долгодетный день, но кратко лето?

XIII

Намокший лес пустынно безотраден.
В ненастный день, как ночью, в нем темно.
Оттенки все слились в одно пятно
Бесцветнос, с обильем темных впадин.

И счастьем кажется вернуть хоть на день
Тот свет, которого уж нет давно.
Ветр бьется в тусклое небес окно
И тучи гонит, зол и беспощаден.

Прибитая трава, поникший куст,
Припав к земле, не в силах больше плакать,
Клянут беззвучно осень, дождь и слякоть.

Лес неприветливо угрюм и пуст.
И вспоминает летнее веселье,
Как смутный сон, как горькое похмелье.

XIV

Ряд тусклых дней, что серыми зовем,
Бессолнечные, чуждые желаний,
Порой неотвратимых увяданий
Роняемые на пути своем, —

Большие, озаренные огнем,
Неугасаемых воспоминаний,
Меж осенью стоящие на грани
И вечно незабвенным летним днем, —

В лесу вы тягостны невыразимо.
Завесою туманной скрыта даль,
И кажется, что жизнь проходит мимо.

Ни птиц, ни зверя... Изредка Печаль
В порыве ветра прозвучит уныло.
И вспомнится, чего уж нет, но было.

XV

Привет прощальный посылая лету,
Я и тебе, о, осень, шлю привет.
Что день твоих бесчисленных примет
Я подмечаю новую примету.

Я говорю «прости» теплу и свету.
Но осени тепло! Осенний свет!
Полей пустынных блекло-ржавый цвет.
Лес, с ними слившийся вдали по цвету.

Здесь листик желтый, желтое пятно,
Там целый куст огня объяло пламя —
Пожара неразвернутое знамя...

Но сердце ожиданием полно,
И бьется, чуя: мчится вихрь кровавый
На рдяный бой со звонкою дубравой.

XVI

Смотреть, как рдеют листья винограда.
Сорвать лозу и увенчать чело.
И, совам крикнув на ходу в дупло,
Погнать коров испуганное стадо!

И знать, что солида летнего не надо.
Что будет греть осеннее тепло,
Когда плоды повиснут тяжело
янтарной зелени лесного сада!

И взором обнимая землю мать,
Раскрытой грудью всей, в былинке каждой
Пылающую плодородья жаждой, —

Благословлять земную благодать
И ждать, что потекут в осеннем хмеле,
Как крепкий мед, веселые недели!

XVII

Поспели ягоды. Брусникой алой
Облепленных бугров горят костры.
И яблони пестреют, как шатры,
Под общей кровлей леса обветшалой.

Покой, еще доселе небывалый.
И близь, и даль устлавшие ковры.
А на опушке красные дворы
С фонтанами рябины запоздалой.

И радостно, и грустно мне встречать
В прощальном празднестве улыбку лета
И осени холодную печать.

И чувствуя, что взор блуждая где-то,
Дороги ищет след, — в тоске сказать:
Веселье кончено и песня спета.

1917 г.

КРУГ УЕДИНЕННЫЙ

Все чаще на полу и на стене
Выводит солнце радужные пятна.
И сердце бьется трепетней, и внятно
Твердит об ожидаемой весне.

Конец зимы! Не снится-ль это мне?
Поверить ли: весна необратима!
Ушла,—чтоб вновь прийти, и непонятно
О радости нашептывать сосне.

И мысль, почуявшая близость воли,
Перебирает ряд знакомых мест,
О коих память радостна до боли.

Как много их разбросано окрест—
Вблизи и далеко!.. Но где поэта
Вскрылит весна и опечалит лето?

1918 г.

Прошло шесть лун—и я опять в плену
Глухих лесов, таинственно-зеленом.
Беседую с широколистным кленом
И посвящаю в грусть мою сосну.

Как благодарен я за тишину
Под радостно застывшим небосклоном!
Единый храм, куда еще с поклоном
Молиться прихожу, как в старину.

Поникли здесь березки богомольно.
Там сосенки. Горит огнями ель.
И в тишине молитву шепчет шмель.

И слышен звон. И думаю невольно,
Что льется он из леса глубины.
О, мир, где сказочны—и явь, и сны!

1918 г.

**Медвяно-пряный зной. В разгаре лето.
Горит с утра обильная роса.
И блещут голубые небеса
Огнем лучей и пламенного света.**

**В груди пежнейшая из струн задета.
Не гадок скользкий уж. Не враг оса.
И радуют безмолвием леса.
А поле—с пестротой его букета!**

**Цветов, с собой принесших яркий смех
И нежное полей благоуханье,
Прекрасно всех оттепков сочетанье.**

**Но василек с ромашкой краше всех.
И жениху — ему и ей — невесте
Всех радостней быть юными и вместе!**

1918 г.

Как хмуро-неприветлив бор сосновый!
Ряды стволов. И редкая трава,
И ели темное пятно—сдва
Разнообразит вид его суровый.

Среди берез печалью веет новой.
Войди в их мир, над коим сицева:
Услышишь грустные невест слова
И слезы, что роняют, плача, вдовы.

Веселье только там, где светлый клен.
Где липа разрослась широкой тенью
И мух и пчел стоит немолчный звон.

С березой ель, обнявшись, внемлют пенью,—
И темной ели мрачный взор смягчен,
И предана печаль берез забвенью.

1918 г.

Раскрытое окно выходит в сад.
А на стене, как пестрая заплата,
Узорчатым пятном лучи заката,
Отобразив просвет окна, горят.

И знаю я, не видя, что закат
Румян, что даль, как заревом, объята.
И облаков, разубранных богато,
За солнцем вслед идет печальный ряд.

И день ушел. И вспомнился когда-то,
Как счастье, мне мелькнувший где-то взгляд.
И юность, что умчалась без возврата.

Бледнеет луч. Угас... Цветы струят
Росистую прохладу аромата,—
И сердце новая томит утрата.

1917 г.

Купается, как лебедь, тая,
В лазури облако, и—вот,
Горя, спадает в бездну вод
За каплей капля золотая.

Лучистый полдень. Плавно стая,
Пятная синий небосвод,
Ведет безмолвный хоровод, —
И блекнет синева густая.

А ввечеру закат в огне,
И к Солнцу скорбно вереница
Плывет в тяжелом полусне, —

Чтоб крови жертвенно пролиться
И Вечность влив в единый миг,
Ликуя Смерти встретить лик.

1917 г.

С утра окутано седым туманом,
Бессильно Солнце иссушить росу.
Лишь в полдень звонко зашуршит в лесу
Листва в полете медленном и рдяном.

Утешиться на краткий миг обманом.
Взвертеться в бешенно-хмельном плясу,
Листвы взметая мертвую красу
И чувствуя себя, как прежде, Паном.

А под вечер—потушенный закат,
Неразгоревшимся,—и лес в испуге,
И шум его тревожный, как набат,

Напоминающий о близкой вьюге,
О снежном поле, стыпущей сосне
И непробудно-долгом зимнем сне.

1917 г.

В пушистой шубке дремлет ель.
Земле тепло и сладко спится.
И вот—уж несколько недель,
Как я живу в лесу, как птица.

В безмолвьи начинаю день
И, очарован белой дремой,
С опушки сонных деревень
Слежу под снегом вид знакомый.

И рано возвратясь под кров
Тепло натопленной хибарки,
У камелька, под шопот дров,
Я коротаю вечер жаркий.

Поет часами самовар.
Беспечен чай мой одинокий...
И тишины ночей глубокой
Приемлю вдохновенно дар.

1918 г.

ЛЮБОВЬ

Любви и радости лишенный равно,
Я к радости взываю горячей.
Так путнику заманчивей ручей,
Чем хлеб, о коем он мечтал недавно.

А может оттого, что, своею правя,
Любовь меня и в юности моей,
Не радостью восторженной своей,
А горестью дарила лишь отравной?

И еслиб взор за облака проник,
Узрев и Вечную Любовь в гореньи,
И Радости Мгновенной кроткий лик,

Пред Радостью я б пал в оцепененьи.
Любви томящую изведав боль,
Я радости не знал. Не оттого-ль?

1918 г.

Любя Вас, думаю невольно,
Что Вы не любите, как я,
Что будет час, когда, любя,
Вы сердце раните мне больно.

Уйдете, оскорбив любовь,
Любовь восторженно-больную,
И мысль, что я, любя, тоскую,
Взволнует радостно Вам кровь.

20. VIII. 1917 г.

**Деревья желтые. И глубже тени.
И трепстней в тиши вечерней мгла.
Твое «Люблю» милей чем свет осенний
И радостней осеннего тепла.**

**Но, как осенний свет,—непостоянно
И, как тепло,—изменчиво оно...
Спадает лист. И дождь непрерывно
Ночами бьет в бессонное окно.**

9. IX. 1919 г.

И вновь один. Остановилось время
И не бегут досужие часы.
Мне одиночества не страшно бремя,
И не клянусь безлюбья полосы.

Пусть радости крылатые мгновенья
Прошли, как сон:—печали больше нет.
Осмысленней встречаю новый день я
И новых зорь мне вновь доступный свет.

И уходя в свой труд уединенный,
В приятный круг раздумья и мечты,
Вновь вижу я, как мудрые хребты
Цветут в веках вершиной озаренной.

Январь 1921 г.

Шумливый дол мне глухо-чужд давно.
Мой путь в горах. И цель моя—высоты.
Давно не мед откладываю в соты
И пью, как мед, отравное вино.

Возможное здесь все уж свершено.
Изведаны падения и взлеты.
И не манят таинственностью гроты,
И бездною не устрашает дно.

Одних высот пути неизмеримы.
За шагом шаг. В красе певыразимой
Беззвучный мир. Гори! Безмолвствуй! Плачь!

Внизу—кольцом ныряет круг орлиный
И всадник облаком несется вскачь...
Тебе, поэт, доступны лишь вершины!

1922 г.

**Все выше!.. Выше!.. И печаль певучей
И ощутимей сердца мерный стук...
Стрелок беспечный, здесь, над горней кручей,
В тоске беспомощно роняю лук...**

**Далек и труден путь!.. Ни пенье птичье,
Ни зверя медный рев... Снега. Покой...
О, для чего такое мне величье,
С таким бессмертьем... С пустотой такой?..**

1919 г.

Я уйду в далекне просторы,
И, поверь, как друг,
В даль меня зовут седые горы,
Гонит злой недуг.

Не лезю о гнезде уютной
Мысли я, поверь!—
Я отныне странник бесприютный,
Бесприютный зверь.

К зовам, прежде властным, равнодушен,
Пленник новых дум,
Новым зовам рабски я послушен
И ловлю их шум.

Не веселый шум деревни вешней,
Вешних городов,—
Слышу голос тишины нездешней
И нездешних снов.

И мпнуя дальные селенья,
Людам тот же брат,
Скорбно встречу в новом свете день и
У небесных врат...

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ.

	СТРАН.
Сонеты I—XVII	7—23

II. КРУГ УЕДИНЕННЫЙ.

Все чаще на полу и на стене	27
Прошло шесть лун—и я опять в плену	28
Медвяно-пряный эной. В разгаре лето.	29
Как хмуро-неприветлив бор сосновый!	30
Раскрытое окно выходит в сад.	31
Купается, как лебедь, тая, ...	32
С утра окутано седым туманом.	33
В пушистой шубке дремлет ель.	34

III. ЛЮБОВЬ.

Любви и радости лишенный равно, ...	37
Любя Вас, думаю неволью, ...	38
Деревья желтые. И глубже тени.	39
Я вновь один. Остановилось время	40
Шумливый дол мне глухо-чужд давно, ...	41
Все выше!.. Выше!.. И печаль певучей	42
Я уйду в далекие просторы, ...	43

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

«ДАЛЕКИЙ СКИТ» — триолеты (гóтовится).

«СЕВЕР» — сонеты (готовится).

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ТВОРЧЕСТВО»

Москва, Трехпрудный пер. 5/15, тел. 1-65-10.

